

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

▲ Иллюстрация: Jossdim
www.istockphoto.com

О

н понял: не выберется.

Колоссальный атмосферный вихрь накрыл его маленький разведбот, захлестнул и понес.

«Стриж» рвался вверх, бился в силках чудовищного притяжения. Ревел бешеный ураган; бурые клочья облаков скручивались в жгуты, наматывались на блистер кабины. Перегрузка уже превысила двадцать *g* и росла, компенсаторы перестали справляться. Двигатель надрывался на полной тяге; весь корабль вибрировал и звенел. А пилот рычал сквозь зубы, стиснутые до хруста. Во рту было солоно от крови, в глазах прыгали алые символы критических сообщений, оставляя на сетчатке кровавые следы. Система пошла вразнос. Умом он понимал, что все безнадежно: двигателю «стрижа» не хватит мощности, ему самому не хватит сил удержать управление, – но не сдавался. Он никогда не сдавался.

Но не выдержал «стриж», у всякой техники есть предел прочности...

Как будто лопнула чересчур туго натянутая струна – баммм! – та самая струна, которой он был привязан к небу. Его швырнуло вниз, в сторону, закрутило... Словно тот старый джет – тогда, в тот пасмурный мартовский день. Значит, точно – конец... Со страшным скрежетом рвался металл, на блистере вспыхнули молнии трещин...

Ураган разодрал «стрижа» на части.

В последний миг пилот увидел под собой истинный облик чужого мира, его фантастическое жуткое нутро.

Сверкающую рубиново-черную бездну.

ОН ОЧНУЛСЯ, словно кто-то извне щелкнул выключателем. Сразу открыл глаза. Комнату наполняли охристо-бурые сумерки; блеклый свет струился от большого, в половину стены, окна. Воздух был холодный и темный, словно стоячая вода в сентябрьском пруду. Под потолком сонно бормотал кондиционер, убаюкивал. Только вот сны снились тяжелые...

ПАЛЬЦЫ ПОГРУЗИЛИСЬ В ИЗОБРАЖЕНИЕ, КАК В ВОДУ

Память абсорбировала последние фрагменты воспоминаний, сохраненных Нусом, а затем заново вписанных в модифицированную ДНК тела-реплики. Пришло осознание: кто он и где.

Юрий поднялся, подошел к включенному окну. Протянул руку – пальцы погрузились в изображение, как в воду, затем коснулись твердой гладкой поверхности. Просто глухая стена. Как слева, как справа.

«Скиапарелли». Станция на орбите Марса, четыреста семьдесят километров над экватором. Транспортный узел на межпланетной трассе. Орбитальная перевалочная база. Основной сервер марсианского домена. Хаб.

Окно транслировало проекцию с омматидий нижнего обзора. Полная иллюзия обзорного иллюминатора, даже лучше. Превосходная детализация. Марс, подрумяненный сбоку лучами далекого Солнца, неторопливо проворачивался вниз, похожий на мятую ржавую бочку.

Какая прозаическая аналогия. Юрий хмыкнул, покачал головой, удивляясь собственным невеселым мыслям.

Странно, куда подевались космическая романтика и восторженный энтузиазм по поводу пыльных тропинок далеких планет? Должно быть, все осталось в прошлом, двадцатом веке.

А ведь кто-то верил в караваны ракет, что помчатся вперед от звезды до звезды...

Он переключил окно на верхний обзор. Звездное небо медленно кружилось, будто на лекции в планетарии. Водолей, Пегас, Козерог, Южная Рыба. В зените, вместо Полярной звезды, Фомальгаут – так уж сориентирована ось вращения станции.

Помнится, в Саратове был планетарий. На Чернышевского, в здании бывшей церкви. Высокие церковные своды неплохо подходили под демонстрацию небесных картин...

Того планетария давным-давно нет.

Юрий отвернулся от окна, сбросил с себя розовую хламиду, которую тут полагалось считать пижамой, достал из шкафчика новенький, с иголки костюм, переоделся. Глянул на себя в зеркало. Костюм смахивал на футуристическую интерпретацию летного кителя. Пуговички блестящие, погончики какие-то непонятные. Застежка на брюках – вообще отдельная история. Ладно, привыкнуть можно. Зато ткань очень приятная на ощупь. Он застегнулся на все пуговицы, вышел из каюты.

Кольцевой коридор, опоясывающий всю станцию по окружности, был разделен на пятнадцатиметровые отсеки с герметичными переборками. Когда-то похожим образом строили подводные лодки – считалось, что это повышает надежность конструкции и шансы на выживание экипажа в случае аварии. «Ски-апарелли» проектировали довольно давно, во времена второй волны межпланетных пилотируемых полетов. Искусственная гравитация, создаваемая вращением станции, вносила некоторый разлад в восприятие: глазам казалось, будто пол слегка загибается кверху, и дверь в дальнем конце коридора немного накренилась вперед. Однако, по мере приближения, дверь выравнивалась и вставала вертикально. Такой вот фокус. Надо только не смотреть под ноги при ходьбе, иначе начнешь спотыкаться на каждом шагу.

Дверь в переборке сдвинулась в сторону с негромким пневматическим вздохом. Из ближайшей каюты, распахнутой настезь,

доносились меланхолические гитарные переборы. Юрий переступил через комингс, подошел и заглянул в каюту.

Комаров, одетый в такую же розовую пижаму, лежал на кровати с гитарой на животе, лениво пощипывал струны. Гитара выглядела как музейный экспонат – поцарапанная, с облезлой декой. А если заглянуть внутрь корпуса через резонаторное отверстие, то можно разглядеть пожелтевшую бумажку с надписью «Ленинградская фабрика музыкальных инструментов». Превосходная реплика, на молекулярном уровне неотличимая от оригинала. Под стать владельцу.

Комаров скосил глаза на вошедшего, не поздоровался, только сменил мелодию и пропел:

– А Гагарина зря обидели, принесли похоронку матери...

– Володя! – сказал Юрий с упреком.

– Что, Юра? – отозвался Комаров.

– Перестань.

– Да ладно тебе. Хорошая же песня.

Владимир взял еще один аккорд.

– Кто летал – тем бояться нечего, кто летал – тот с заданием справился...

И внезапно замолчал, прижал струны ладонью.

Не справился, понял Юрий. Недаром оба мы здесь. А Жора Добровольский с Витей Пацаевым где-то на полпути к Сатурну. Слава Волков как засел на обратной стороне Луны, так и сидит. Чем там занимается – непонятно, и не поговоришь с ним толком. А Комаров, когда виделась в прошлый раз, улетал на Меркурий. Тоже, видно, что-то случилось...

– Произошел корональный выброс, – ответил Владимир на незаданный вопрос. – Небольшой кусочек Солнца улетел в пространство. Знаешь, когда всякая каменная мелочь в поясе вулканоидов стала вспыхивать и взрываться, и через пояс пошла настоящая огненная волна, – это было даже красиво. До жути красиво. Представляешь?

Юрий вспомнил последние мгновения падения в юпитерианскую пучину. Это было

и страшно, и завораживающе одновременно. Он кивнул.

– Представляю.

– А теперешним не понять, – сказал Владимир с тоской. – Сидят у себя на Земле, как пингвины, бояться задницу от планеты оторвать.

– Это задача для нас, – сказал Юрий. – Ведь это мы мечтали о космосе. Рвались всеми силами, любой ценой. И нам дали второй шанс.

– У них такая техника, столько всего есть, – продолжал Владимир, как будто не слыша товарища. – Ты видал, как их отцы Марс перепахали? Эти громадные геодезические купола и яблоневые сады? Просто сказка. А дорогим товарищам потомкам ничего такого как будто и не надо. В голове не укладывается, они же теперь практически бессмертны. Могли бы к звездам полететь, а вместо этого отдались на попечение какому-то кибернетическому супермозгу. Словно в какой-то дрянной фантастической книжке, что я читал сто пятьдесят лет назад.

Он с досадой махнул рукой.

ЛУНА СМАХИВАЛА НА УНЫЛЫЙ ПОЛУПУСТОЙ ВОКЗАЛ: ДЛИННЫЕ ГУЛКИЕ КОРИДОРЫ, ВЫСОКИЕ СВОДЧАТЫЕ ПОТОЛКИ

– Ты же сам знаешь, отчего так вышло, – сказал Юрий. – Это их плата за бессмертие. Полноценную аутентичную психоматрицу Нус может считать только из ноосферы. Тем, кто улетает с Земли, нужно вживлять трансммиттер, чтобы не потерять контакт. А у нынешнего поколения имплантаты не в моде...

– Зато у них в моде пластическая коррекция и ювенильная терапия, – возразил Владимир. – Они просто помешаны на телесном совершенстве. Такие все идеальные, молодые и красивые – даже подходить боязно, не то что разговаривать. Смотрят на тебя как на неандертальца. Нарциссы.

Юрий пожал плечами.

– Ну, не все же они такие. Вот Крогиус, например, не такой.

– Точно, – согласился Владимир, – Крогиус – наш человек, нормальный. Потому что он еще в двадцатом веке родился, он понимает...

КРОГИУС НЕ ПОНИМАЛ. Вернее сказать – не хотел понимать. Да, ему нужны рисковые, бесстрашные парни, под них создана новая программа космических исследований. Но он предпочел бы иметь дело с людьми, которые способны адекватно оценить риск и благополучно возвращаются, а не с теми, что безрассудно кидаются в ураган неизвестно зачем... Он печально взирал на Юрия сверху вниз, с высоты своих ста девяноста, и даже не сердился, кажется, просто был огорчен.

Они стояли в оранжерее, втроем. Над цветами вились и жужжали специальные генномодифицированные пчелы. Из кустов доносилось щебетание птиц, которых на самом деле тут не было. Птицы на станции не прижились, их пространственная ориентация сбила, они не могли здесь летать, разбивались о стены... В зарослях деловито копошились киберы, старательно подравнивали расплзающиеся побеги. При искусственном освещении оттенок у зелени был неземной. Росло тут много разного; сосредоточившись, Юрий мог бы вызвать из памяти название каждого растения в оранжерее, но сейчас ему было не до того.

– Там был странный объект, – сказал Юрий, оправдываясь, – в гало, на внутренней границе кольца.

– Спутник, – сказал Крогиус без особого интереса. – Их у Юпитера столько – не считать.

– Это ниже предела Роша, – возразил Юрий. – Спутников на такой низкой орбите не бывает.

Крогиус вздохнул.

– Бывает. Но не слишком долго. У Юпитера мощные тяготение. Воздействует на пролетающие мимо объекты, меняет их траектории. Это могло быть кометное ядро. Или троянский астероид. Такие объекты вращаются вокруг Юпитера какое-то время. В конце концов падают и сгорают в атмосфере. – Он жестом фокусника поднес ко рту сжатый кулак, затем резко раскрыл ладонь. – Фух! И нет больше спутника.

Выходит, рисковал он понапрасну. И машину зря погубил...

– Ну и отправляли бы автоматы вместо нас, – буркнул Юрий.

Владимир бросил на него короткий косой взгляд, но от замечаний воздержался.

– Да, – сказал Крогиус сухо. – Разумеется. Автоматы.

И замолчал, как будто задумался. Юрий смотрел на него, ждал пояснений. Он чувствовал, как внутри зреет глухое раздражение – и на Крогиуса, и на самого себя. Словно ляпнул по недомыслию глупость, а какую – непонятно.

– Мы отправляем автоматы, – снова заговорил Крогиус. – Это умные машины, очень умные. Сами исследуют, сами обрабатывают информацию, сами ее сохраняют. Такого у них назначение. А у вас – другое.

– Да? – спросил Владимир. – И какое же?

– Нужно лететь на Луну, – сказал Крогиус. – Там все узнаете.

О ЛУНЕ у Юрия были два совершенно разных воспоминания, никак не сочетавшихся друг с другом. Одно, совсем давнее, было про забавную рожицу в ночном небе, которая хитро ухмылялась и будоражила детское воображение. А в другом, взрослом и прозаическом, Луна смахивала на унылый полупустой вокзал: длинные гулкие коридоры, высокие сводчатые потолки, всюду искусственный свет. Юрий бывал здесь трижды,

но на поверхность так ни разу и не выходил. Не довелось.

Вот и на этот раз было то же самое. Челнок, ведомый автоматикой, опустился на посадочную площадку пассажирского терминала. Очень мягко, недопитый кофе в чашке, что стояла перед Крогиусом, едва колыхнулся. К люку еще не пристыковали крытый трап, а Крогиус уже поднялся с места и зашагал к выходу. Юрий и Владимир потянулись вслед за ним. Кроме них, других пассажиров не было, салон челнока был совсем пустой.

В зале для прибывающих их встречал Слава Волков в компании очаровательной кареглазой смуглянки.

ТЫ ВИДАЛ, КАК ИХ ОТЦЫ МАРС ПЕРЕПАХАЛИ? ЭТИ ГРОМДНЫЕ ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ КУПОЛА И ЯБЛОНЕВЫЕ САДЫ?

– Прошу знакомиться, – сказал Вячеслав. – Мои друзья – Юрий и Владимир. А это – Калпана. Мы с ней, как оказалось, коллеги.

– Здравствуйте, – сказала Калпана, тщательно выговаривая каждую букву. И широко улыбнулась. Улыбка у нее была ослепительная, на киловатт. – Рада встрече.

– Мы тоже, – сказал Юрий, улыбаясь в ответ.

– Уж мы так рады, так рады, – подхватил Владимир. И упрекнул Волкова: – Что же ты, Слава? Совсем забыл старых друзей. Не звонишь, не пишешь. Хоть бы открыточку прислал.

– Какую открытку? – растерялся Вячеслав. – Сейчас же все через сеть.

– Точно, – сказал Владимир с сарказмом. – Я и забыл...

Юрий пихнул его в бок.

Калпана в легком замешательстве переводила взгляд с одного космонавта на другого; ее нарядная улыбка поблекла.

– А где же ваши друзья? – осведомился Крогиус. – Они к нам присоединятся?

– Да, конечно, – ответила Калпана. – Только немного позже. Они задерживаются, Хьюстон затынул с брифингом.

– О! – сказал Владимир. – Прямо чем-то родным повеяло. Брифинги, летучки, оперативки. Всякое такое.

– Слава, может, ты объяснишь, зачем мы сюда прилетели? – спросил Юрий.

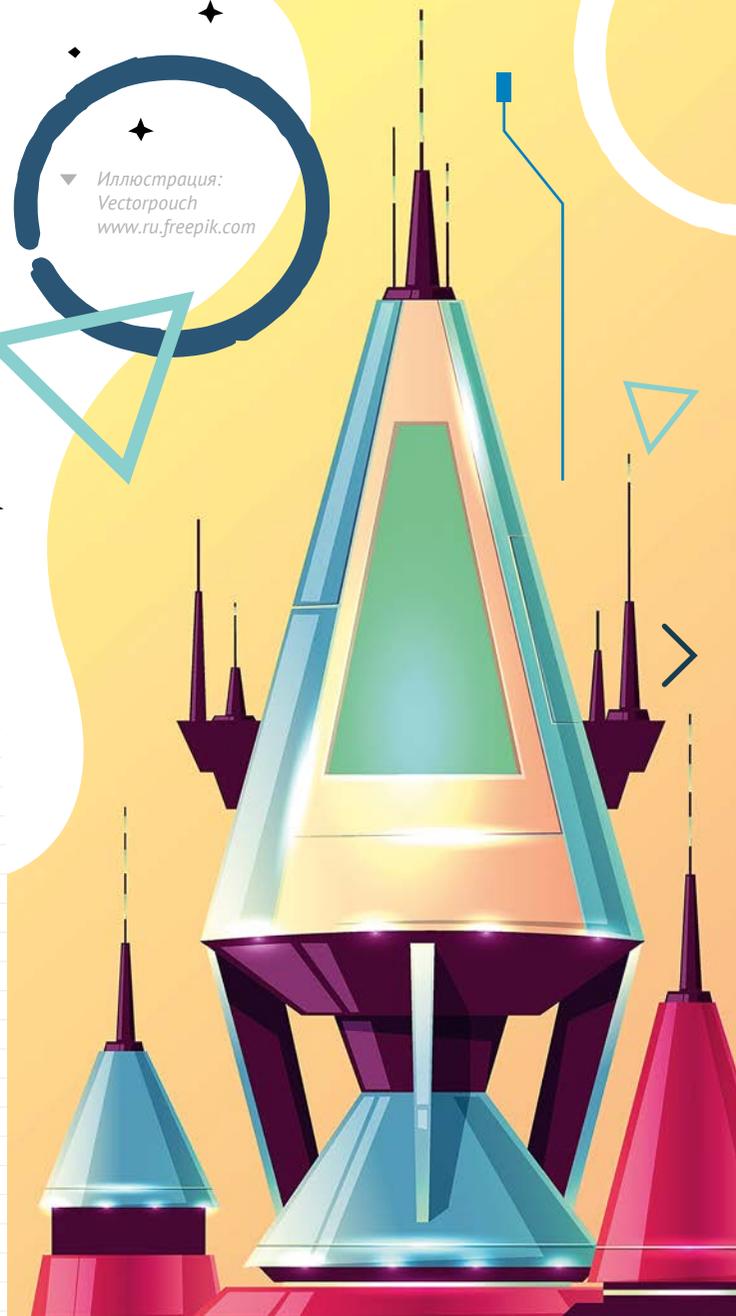
Волков посмотрел на Крогиуса, словно испрашивал разрешения. Крогиус одобрительно кивнул.

– Я лучше покажу, – сказал Вячеслав.

В СТАРЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ КНИЖКАХ ракеты были похожи на гигантские снаряды – остроносые металлические болванки, выстреливаемые в эфирные пространства. Стереотип настолько прижился, что настоящие ракеты на заре космической эры выглядели почти так же. Первые полеты были именно на таких...

Машина, блестящая под лучами прожекторов на стартовой площадке восьмого терминала, выглядела словно овеществленный сон чокнутого сюрреалиста. Словно океанский лайнер, вздумавший эволюционировать в реактивный самолет,

Иллюстрация:
Vestorouch
www.ru.freepik.com

МАШИНА
ВЫГЛЯДЕЛА СЛОВНО
ОВЕЩЕСТВЛЕННЫЙ
СОН ЧОКНУТОГО
СЮРРЕАЛИСТА

но не остановившийся на достигнутом, а продолживший мутировать дальше – в нечто невообразимое...

– И что, этот пепелац действительно может летать? – спросил Владимир скептическим тоном.

Вячеслав дернул плечом, нахмурился и смолчал.

– Разумеется, может, – ответила Калпана вместо него. – И очень быстро. Она круче, чем «Энтерпрайз».

– Она? – удивился Юрий.

– «Заря», – пояснил Вячеслав. – Так называется этот корабль.

– А позывной-то знакомый, – сказал Владимир.

– Очень знакомый, – кивнул Юрий. У них же тут все со смыслом, разумеется.

– Ну, если быть точным, название расшифровывается как «звездолет аннигиляционный релятивистский ядерный», – пояснил Вячеслав.

– Звездолет? – переспросил Юрий, моментально ухватив главное. Он обернулся к Крогиусу, который стоял спиной к окну и наблюдал за космонавтами. – Значит, это и есть наше назначение?

– Да, – кратко ответил Крогиус.

Владимир оживился.

– И когда нас пустят за рычаги?

– За рычаги? – Крогиус недоуменно поднял брови, уточнил: – В смысле, когда вас допустят к управлению новейшим звездолетом?

– Точно, – сказал Владимир. –

Страсть как хочется опробовать.

Юрий, не удержавшись, хмыкнул.

– Скоро, – сказал Крогиус без особой определенности. – Сначала необходимо обновить ваши знания. Корабль новый, экспериментальный.

– Фабрикатор еще нужно установить и загрузить бэкапы с генетиче-

скими образцами всех членов экипажа, – добавил Вячеслав. – А то мало ли что, сами понимаете. И Жору с Витей надо дожидаться.

– Заправлены в планшеты космические карты, – пропел Владимир и хлопнул Юрия по плечу.

– А маршрут? – спросил Юрий.

– Проксима Центавра, – сказал Крогиус. – Для начала.

С ЛУНЫ УШЛИ на ионных ускорителях, на малой тяге. Поднялись над плоскостью эклиптики. Зависли в миллионе километров от Земли, чтобы ввести последние коррективы в навигационную машину и обменяться последними сообщениями с Крогиусом. Все происходило довольно обыденно, по-деловому, без особого пафоса, без торжественных речей. На прощание Крогиус пожелал «Заре» удачи.

С капитанского мостика, подключенный в корабельную систему связи с командирскими привилегиями, Юрий видел и слышал сразу весь экипаж. Владимир, Георгий и Ричард – в кабине управления. Виктор, Илан и Уильям – за пультом навигационной машины. Вячеслав и Калпана – на контроле режиссера. Лорел и Дэвид – в медицинском отсеке. И Майкл в рубке связи. Одиннадцать человек, он сам – двенадцатый. Или первый, как посчитать.

И все уникальные в своем роде. Реликты космической эры. Единожды покинувшие родную планету, обреченные каждый раз уходить все дальше...

– Ну что? – спросил он. – Готовы?

Экипаж «Зари» в один голос ответил, что готовы. Ну разумеется, как же иначе.

Хотя никто не знал, что их ждет.

– Вперед летит ракета, летит быстрее света, – напевал Владимир потихоньку, вполголоса, как будто сам для себя. – А в ней сидит Гагарин, отличный русский парень.

То ли он хотел Юрия приободрить, то ли сам нервничал, несмотря на показную браваду.

Юрий улыбнулся. И, махнув рукой, сказал:

– Поехали. ■